

Общество

Достаточно оглянуться вокруг, чтобы убедиться в том, что люди живут не поодиночке. Достаточно заглянуть в историю, чтобы убедиться - так было всегда. Достаточно хоть немного задуматься над этими фактами, чтобы понять - это неспроста.

О.Фоннель-Брейнинг задумался над этим, и у него родился прекрасный образ [95, с.17], который в свободном изложении выглядит примерно так.

Неверно думать, будто бы птица оборудована подвешенными к ней крыльями, наподобие механического устройства. Нет, все ее строение рассчитано на полет, и, поднимаясь в воздух, она ведет себя согласно своей природе. Так же и рыба - не только пользуется плавниками, но и дышит жабрами, а вынутая из воды - бьется и бессмысленно хватает воздух. Рыба может жить лишь в водной стихии, такова ее природа.

Так же обстоит дело с человеком. Тот факт, что он живет в сообществе с другими людьми, не его каприз и не вывод, к которому он пришел из соображений общественной пользы. Человек по своей природе - как физической, так и духовной - предназначен для жизни в обществе и становится человеком только в результате жизни в обществе.

По своей *физической природе* человек - звено в цепи смены поколений. Для того, чтобы он появился на свет, понадобилось двое людей. Для того, чтобы связь поколений на нем не прервалась, ему понадобится найти еще одного человека. Но появиться на свет совершенно недостаточно для того, чтобы стать самостоятельной единицей, самостоятельным элементом общества, способным существовать без посторонней помощи. Для этого "человеческий детеныш" на протяжении многих лет нуждается в уходе, охране, заботе, кормлении, воспитании, без чего он, даже если и выживет, не станет Человеком. Сказки о Маугли не более, чем сказки.

Но и во взрослом состоянии ограниченность и несамодостаточность отдельного человека толкают его искать опору в обществе, поскольку вне общества, вне взаимодействия с себе подобными ему невозможно сохранить себя. "Самая глубокая потребность человека - это потребность преодолеть свою отчужденность, освободиться из плена одиночества" [101, с. 166]. В обществе его личная несамодостаточность возмещается взаимодействием. От других людей он получает то, на что не способен сам, один, а им дает то, в чем нуждаются они. И чем большее количество людей вступает во взаимодействие, тем большую совокупную выгоду они могут получить. Недаром в древности одним из самых страшных наказаний было изгнание - тогда еще было куда изгонять.

По своей *духовной природе* человек в еще большей степени предназначен к жизни среди себе подобных, к жизни в обществе. Душа может развиваться, становиться душой человека только в общении с другой (другими) душами. Человек, лишенный возможности прямого общения с себе подобными, не может пробудиться к духовной жизни, особенно к сложным ее формам: науке, искусству, любым творческим проявлениям, праву, наконец.

Более того, сама возможность общения является непреходящей ценностью. Какие-либо проявления человеком любви, доверия, благодарности трудно себе представить, не представив по меньшей мере двух человек, связанных любовью, взирающих друг на друга с доверием, радующихся, что одному из них удалось осчастливить другого и вызвать его благодарность. Любить самого себя человек может и в одиночестве, но супружеская любовь возможна только в супружеском общении, любовь между родителями и детьми - только в общении между детьми и

родителями.

Еще ярче это проявляется во взаимодействии духовной и физической природы человека. “Человек не может выжить, как животное, - только посредством инстинктов. Он не может удовлетворять свои простейшие физические нужды без процесса мышления. Ему необходим процесс мышления, чтобы узнать, как сажать и растить свою пищу или как создать орудия для охоты. Инстинкты могли привести его в пещеру, если таковая имела, но чтобы построить простейшее укрытие, необходим процесс мышления. Никакие ощущения или инстинкты не подскажут, как разжечь огонь, соткать ткань, изготовить орудия труда, сделать колесо, построить самолет, вырезать аппендикс, создать электрическую лампочку и электромясорубку, или циклотрон, или коробок спичек. Жизнь человека зависит от этих знаний, и только волевой акт его сознания, процесс мышления могут его обеспечить” [72, с.19]. Ни один человек не в состоянии самостоятельно проделать хоть какую-то часть пути, которую проделало человечество, узнавая и научаясь всему тому, что оно знает сейчас. Да и не только сейчас, а даже то, что оно уже знало три, четыре, пять тысяч лет тому назад. Но человеку и не нужно проходить этот путь самостоятельно! Все, что ему нужно, он может узнать у других людей и “стоя на плечах гигантов” кто-то из людей может заглянуть еще дальше, продвинуться еще на шаг по этому пути бесконечного поиска, добывания знаний. “Человек - единственное живое существо, которое может ... расширять запас своих знаний от поколения к поколению, но для такой передачи от каждого получателя требуется процесс мышления. Свидетельство тому - распавшиеся цивилизации, темные времена в истории развития человечества, когда знания, накопленные веками, исчезали из жизни людей” [72, с.19]. Таким образом, поддержание человека в человеческом состоянии возможно только в окружении других людей, от которых только человек и может получить знания, начиная с того, как произносить слово “мама” и заканчивая наивысшими достижениями человеческой мысли, достигнутыми на данном этапе человеческого развития.

Вышесказанное органически присуще человеку, составляет его сущность и поэтому нетипично для нашей гуманитарной области, поскольку имеет отношение скорее к сущему, чем к должному, представляет собой *почти* естественный закон (сродни закону всемирного тяготения) и позволяет нам сделать еще одно утверждение:

Аксиома 4.

Люди обречены на то, чтобы жить сообща.

Жизнь сообщества - единственная возможная форма существования людей.

Иными словами, единственным способом жизни людей является общество. Было бы неправильно пытаться давать оценку этому факту. “Истина состоит в том, что человеческое общество (его существование - С.Е.) в основе представляет собой естественный факт, и равным образом в развитии своем оно также является естественным фактом, постепенно обретающим волевою окраску. В основе своей оно - факт естественный, но не волевой: люди не объединяются, они уже объединены, они рождаются, будучи объединены узами семьи, расширяющейся до границ клана, а также узами привычек, общего языка, общих нравов, общих воспоминаний, традиций, общего религиозного культа, общих обрядов” [91, с.48]. Еще раз повторим: общество - это данность. Данность, не зависящая от чьей-то воли. Люди вовсе не объединяются в общество, потому что они так хотят.

Они уже объединены.

Никому не нужно (да и невозможно) принимать решение - объединяться или не объединяться. По достижении определенного возраста, возраста, когда он уже стал *человеком*, каждый может поставить перед собой вопрос: продолжать ли существовать в обществе или попытаться (!) выйти из этого объединения? Результат налицо - подавляющее большинство людей остаются жить в обществе. И не важно, является ли это результатом их волевого решения или результатом фактической невозможности осуществить иное решение. Для нас важен сам факт обреченности на взаимодействие.

Эта невозможность избежать взаимодействия - и благо, и проклятие одновременно. На протяжении тысячелетий своей истории человечество учится, овладевает этим способом жизни. "С тех пор, как человечество начало мыслить о своей судьбе и искать лучшего будущего, в человеческом сознании живет одна заветная, неистребимая мечта: мечта внести сознательность в стихийный процесс жизненного развития, разумно и целесообразно двинуть его по верному пути, на место слепой анархии установить порядок и организацию" [99, с.244]. Налицо определенные успехи, но до совершенства пока еще очень далеко.

Мы уже приняли в качестве аксиомы, что стремление каждого человека к хорошей жизни правомерно (оправдано), и, пока мы рассматривали каждого человека как изолированный объект, этого было достаточно. Однако, как правильно подметил Д.С.Милль, "соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто иное", и теперь, когда мы постулировали неизбежность сосуществования человека с другими людьми, становится очевидно, что это его стремление не может быть беспредельным. Задачей этой главы как раз и является установление границ подобных устремлений. И, прежде всего, нам предстоит определить, что может ограничить эти устремления и как нам в рамках нашей теории к этому относиться.

В отличие от желаний, возникновению и формированию которых в силу Аксиомы 1 (каждый человек обладает внутренней свободой) никто и ничто не может препятствовать, стремление к хорошей жизни предполагает какие-то действия. На пути осуществления этих действий вполне вероятны препятствия. Эти препятствия могут быть двух принципиально разных видов. Первый вид препятствий - естественные препятствия, никак не связанные с действиями других людей. У человека может появиться желание отправиться в путь. Но на этом пути ему встречается пропасть, перебраться через которую он не может. У человека может появиться желание поиграть в футбол. Но у него нет мяча. У человека может появиться желание поиграть на скрипке. Но он глух.

Очевидно, что эти препятствия вызваны объективными, не зависящими от других людей обстоятельствами. Тем не менее, эти препятствия не дают возможности человеку осуществить свое желание, свое стремление к хорошей жизни, ведь только из достижения и осуществления желаний складывается его хорошая жизнь.

Есть и второй вид препятствий, непосредственно связанных с действиями других людей. Через пропасть, лежащую на пути человека, есть мост. Но этот мост охраняется, и охраняющие его люди могут пропустить человека через него, а могут и не пропустить. Какие-то люди собираются играть в футбол. У них есть мяч, есть площадка для игры и они могут принять человека в игру, а могут и не принять. У человека нет скрипки, а те люди, у которых она есть, не дают ему ею воспользоваться. Эти препятствия зависят от других людей и также могут не дать возможности человеку осуществить свое желание.

Теперь у нас есть возможность ввести еще одно очень важное определение -

Определение 6.

Внешняя свобода - свобода (способность, возможность) действовать в обществе в соответствии со своей внутренней свободой тем или иным образом, преследуя те или иные цели.

Необходимо отметить, что в Определении 6 речь идет только о взаимодействии внутренней свободы с препятствиями второго рода. Иными словами, человек обладает внешней свободой в той мере и постольку, в какой мере и поскольку осуществлению его желания, его стремления к хорошей жизни не препятствуют другие люди, т.е. естественные препятствия отношения к внешней свободе не имеют. Неодушевленные препятствия хотя и могут стать предметом права (например, в случае страхования от последствий катастроф), но лишь в качестве объектов, но не субъектов, притязания которых на внешнюю свободу мы должны урегулировать.

Теперь, когда у нас появилось Определение 6 мы можем контекстуально конкретизировать неопределяемое понятие “свобода”. Внутренняя и внешняя свобода являются подмножествами множества “свобода”, причем дополнительными по отношению друг к другу, т.е. всё из этого множества, что не внутренняя свобода - есть свобода внешняя и наоборот.

Если мы посмотрим на Определение 3, то увидим, что обладателем внешней свободы может быть не только человек, но также юридическое лицо или орган. Т.е. в Определении 3 мы установили, что лица и органы способны действовать в соответствии со своей внутренней свободой, следовательно, у лица или органа есть возможность выбирать, что ему хотеть, как ему поступить в том или ином случае. На первый взгляд в это логическое построение вкралась какая-то ошибка, неточность. Между тем, никакой ошибки нет. Все лица и органы либо являются людьми (президент, министр, директор и т.п.), либо состоят из людей (правительство, совет директоров, Государственная Дума и т.п.). Люди, составляющие лица и органы, обладая внутренней свободой, могут поступать так или иначе и, в зависимости от их поступков, органы и лица будут действовать тем или иным образом, в полном соответствии с Определением 6. Следовательно, в наших дальнейших рассуждениях мы должны иметь в виду, что неперсонифицированные лица и органы также обладают и внутренней, и внешней свободой, поскольку всегда состоят из людей.

Таким образом, существование внешней свободы прямо вытекает из существования общества. Стоит только человеку оказаться изолированным от общества, от всех других людей, тут же понятие его внешней свободы теряет смысл. В некотором роде общество первично по отношению к внешней свободе каждого человека. Такое суждение дает возможность утверждать, что общество первично и по отношению к самому человеку. Например, “Общество, в котором мы живем и без которого мы не смогли бы жить, обладает всеми правами. Его право неопределенно, поскольку оно не ограничено. Оно не ограничено как в качестве принципа, так и на практике. На основании какого права и с помощью каких средств индивид смог бы ограничить право общества? По какому праву? Человек рождается. Кто наделяет его правом кредитора по отношению к государству? При помощи каких средств? Человек одинок. Что может он предпринять против общества, нарушающего его так называемые права? Протестовать? И только. Общество лишь посмеется над ним. Общество надделено всеми правами прежде всего потому, что оно ими обладает, раз никто их ему не давал; затем еще и потому, что, если бы оно ими и не обладало, на практике все равно было бы точно также, как если бы оно ими обладало” [91, с.38]. Эти рассуждения, пожалуй, были бы справедливы, если бы в них разбирались

отношения чего-то огромного и монолитного (общества) и чего-то несоизмеримо маленького и постороннего для этой глыбы. Автор этих рассуждений, Э. Фаге, упускает из виду одну маленькую деталь - каждый человек есть составляющая частица этой глыбы, сплошь состоящей только из таких же частиц, да еще при том и мыслящих частиц. И эта мыслящая частица прекрасно осознает, что “противостоящее” ему общество состоит из таких же как она частиц - людей. В отношениях с “монолитом” - обществом человек может либо подчинить его себе (что очень трудно и удастся только единицам), либо подчиниться ему (что совсем не трудно, все вокруг так и поступают), либо погибнуть (что очень неприятно).

Но в отношениях с другими частицами можно договориться.

На осознание этой простой вещи у человечества ушли тысячелетия. Сегодня эта мысль не является откровением. Однако, как трудно договориться слабому с сильным, бедному с богатым! “Многие сами по себе слабые, желая избежать угнетения со стороны более сильных, чем они, объединяются для установления и соблюдения общими силами правосудия, чтобы, не будучи в состоянии порознь равняться силами с могущественными, одолеть их сообща” [17, с.49]. Сказано Г.Гроцием почти четыреста лет назад! Так что, до сих пор сильные договаривались с сильными (и у них это неплохо получалось), а слабые договаривались со слабыми (и у них это получалось куда хуже). Так может быть уже настал момент, когда можно было бы договориться всем?

Разрабатывая теорию, мы просто не можем не поставить себе задачу предложить принцип, на основе которого могли бы договориться именно все.

А раз так, настало время сделать одно из самых важных основополагающих первоначальных утверждений - утверждение, несомненно имеющее отношение к должному, а не к сущему, утверждение, которое часто в разных видах провозглашается, но еще никогда и нигде не соблюдалось в полной мере

Аксиома 5.

Все люди имеют равные права на внешнюю свободу.

Может быть, именно это и есть определение справедливости, которое человечество пытается найти, но пока так и не нашло?

Конечно же, эта мысль не нова и за последние две с лишним сотни лет она не один раз звучала в разных редакциях.

“Декларация независимости Соединенных Штатов Америки”, (4 июля 1776 г.) [20, с.34] :

“Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными, и наделены Творцом определенными врожденными и неотъемлемыми правами, среди которых - право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью”.

Категоричность своего утверждения Т.Джефферсон существенно ослабил целым рядом элементов, составляющих это утверждение:

- ☐ это не есть истина, а только мы (члены конгресса) так считаем;
- ☐ ссылка на Творца требует признания факта его существования, следовательно, на это утверждение могут ссылаться не все;
- ☐ “созданы равными”, а что дальше? Возникновение неравенства в течение жизни человека не исключается, даже если христианское понимание этих слов не допускает возникновения неравенства и в дальнейшем;
- ☐ собственно, в чем “равными”? Вопрос остается открытым;
- ☐ и главное - определенными неотчуждаемыми правами. Ничего не сказано ни о том, какие это права, ни даже об их равенстве у всех людей.

“Декларация прав человека и гражданина”, (1789 г.) [104, с.205] :

“Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы”.

Степень категоричности, как мы видим, уже значительно выше. Уже нет ни ссылки на Творца, ни речевого оборота “мы считаем”, уже ясно, что речь идет о равенстве в правах. Более того, сказано, что не только во время рождения, но и после люди остаются равными в правах. Однако, второе предложение - большая ложка дегтя. Так и вспоминается: “Все равны, но некоторые (по соображениям “общей пользы”) равнее”.

“Всеобщая декларация прав человека”, (10 декабря 1948 г.) [64, с.134]:

“Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах”.

Здесь уже нет никаких оговорок о возможности неравенства для некоторых, однако, опять неясно, что же становится с правами в течение жизни. Не имеется ли в виду, что в продолжении жизни человек может по собственной воле (вине) потерять некоторые права? Например, право на свободу?

Этот беглый анализ некоторых высоких достижений человеческой мысли в области прав человека показывает, что наша формулировка Аксиомы 5, по меньшей мере, им не уступает. Тем не менее, во избежание возможности неверного толкования, дадим разъяснения по поводу некоторых, употребленных в Аксиоме 5, терминов.

“Все люди” в данном контексте означает, что ни для каких людей не может быть сделано исключение ни в сторону сокращения у некоторых из них прав на внешнюю свободу, ни в сторону их увеличения. Независимо ни от чего. Независимо от пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национальности, социального происхождения, принадлежности к каким-либо меньшинствам, имущественного положения или любых иных обстоятельств.

“Равные права” в данном контексте означает, что если мы признаем за каким-либо человеком свободу действовать тем или иным образом, значит мы признаем такую же свободу действовать таким же образом и за любым другим человеком. “Люди свободны в меру их равенства и равны в меру их свободы” [52, с.25].

Утверждаемое в Аксиоме 5 едва ли не самое важное в нашей аксиоматической системе. Именно это утверждение есть логическая основа естественных прав человека. Для подтверждения наличия у человека этих прав нет необходимости утверждать, что “такова природа вещей”, что все люди “сотворены по образу и подобию”, нет необходимости ни в какой-либо еще дополнительной сущности. Достаточно Аксиомы 5. Если у всех людей равные права на внешнюю свободу, мы не сможем найти таких двоих людей, из которых один был бы в рабстве у другого. Либо в такой паре у одного из них (у раба) прав на внешнюю свободу меньше, чем у другого, а это нарушение Аксиомы 5, либо их права равны и тогда никто из них не раб. Следовательно, право на свободу, на личную свободу, на свободу от рабства прямо вытекает из Аксиомы 5.

Право на жизнь одного человека означает, что никто другой не может, не нарушив этого права, покуситься на его жизнь. Это не значит, что никто вообще не может покуситься на жизнь человека. Мы знаем, что покушаются и часто успешно. Но мы именно потому и называем убийцу, успешно покусившегося на жизнь другого человека, преступником, что, убивая, он нарушил, отнял у убитого право на жизнь. Для того, чтобы лишение жизни одного человека другим было оправдано, необходимо, чтобы у убиваемого не было права на жизнь. Не нарушая Аксиомы 5 и при этом отказывая убиваемому в праве на жизнь, мы должны отказать в этом праве и всем остальным! А если мы не согласны отказать в этом праве хотя бы одному

человеку, например, себе, мы обязаны признать, в силу Аксиомы 5, такое право и за всеми остальными, в том числе и за убиваемым. Значит, тот, кто лишает его жизни - преступник. Причем, преступник только потому, что у всех людей, а значит и у убиваемого есть право на жизнь. Если мы кому-то, а значит и всем остальным, согласно Аксиоме 5, в праве на жизнь отказываем, убийство - не преступление.

Единственное исключение - необходимая оборона, случай, когда в конфликт вступают два равных права на жизнь. Только защищая одно право на жизнь ценой уничтожения другого права на жизнь, человек не совершает преступления.

Следствием Аксиомы 5 является запрет на смертную казнь ввиду невозможности её осуществления. Смертная казнь невозможна без палача, того (тех), кто опустит топор, нажмет на курок, повернет рубильник, сделает смертельную инъекцию и т.п. В паре "палач-жертва" для того, чтобы палач не был преступником - убийцей, у одного из них, а именно у жертвы, должно быть меньше права на жизнь, чем у другого. По распространенным сегодня представлениям смертный приговор суда лишает преступника права на жизнь. Но тогда у осужденного право на внешнюю свободу становится не равным этому праву у других людей, а это грубое нарушение Аксиомы 5, следовательно, такое заключение в нашей аксиоматике невозможно. Чисто умозрительно можно попытаться решить задачу неравенства прав палача и жертвы, назначив палачом человека, у которого право на жизнь больше, чем у других. Однако, признавая Аксиому 5, мы не сможем найти такого человека, т.к. все люди имеют равные права на внешнюю свободу, в том числе на жизнь. Таким образом, не нарушая Аксиомы 5, мы не сможем осуществить смертную казнь, не сможем найти среди людей кого-либо, кто мог бы её осуществить.

Все эти рассуждения проистекают из Аксиомы 5, от абсолютного и безусловного равноправия на внешнюю свободу, равенства прав и обязанностей каждого человека правам и обязанностям каждого другого. Очевидно, что это не единственная точка зрения на этот вопрос. Многие не уважаемые люди считали и считают иначе. Иначе считают и некоторые уважаемые люди. Например, Б.Н.Чичерин так обосновывал свою иную точку зрения: "Справедливость отнюдь не требует, чтобы те, которые носят в себе сознание свободы и права, которые в состоянии думать и говорить, подчинялись налагаемым на них тяжестям на одинаковом основании с теми, которые не способны ни к тому, ни к другому" [107, с.65]. Для Аристотеля природное неравенство между взрослым и ребенком, мужчиной и женщиной, свободным и рабом, эллином и варваром настолько очевидно, что эта очевидность с легкостью переходит в естественность. Не будем сейчас спорить с уважаемыми Б.Н.Чичериным и Аристотелем. Обратим внимание лишь на то, что отличная от изложенной в Аксиоме 5 точка зрения существует, но она оставляет не обоснованным логически вопрос наличия у человека каких-либо естественных (не пожалованных государством) прав.

Внешняя свобода каждого человека не может быть безграничной хотя бы потому, что каждый человек живет среди других людей.

Аксиома 6.

Внешняя свобода людей должна быть ограничена.

Как бы нам, может быть, ни хотелось этого избежать - придется допустить возможность (необходимость) ограничения внешней свободы отдельного человека. Более того, "свобода не может обходиться без ограничений, однако, ограничение есть не цель, а средство для достижения цели, одним из главных элементов которой

является расширение свободы...Свобода основана на ограничении” [16, с. 135]. Однако, процесс такого ограничения сложен и опасен. “Есть граница, далее которой общественное мнение не может законно вмешиваться в индивидуальную независимость; надо установить эту границу, надо охранять её от нарушений, - это также необходимо, как необходима охрана от политического деспотизма” [49, с.291]. Понятно, что такое ограничение не может быть произвольным. Для того, чтобы снизить опасность, подстерегающую нас на пути такого ограничения, нам необходимо выработать какой-то общий принцип (принципы?), согласно которому внешняя свобода может быть правомерно ограничена.

Наиболее распространенной точкой зрения на этот вопрос является возможность ограничения внешней свободы, исходя из общей пользы, из блага общества как целого. Но, вот, что это означает? Трудно представить себе общество, в котором все без исключения его члены придерживались бы единых убеждений о том, что такое благо. По словам А.Куницына: “Сохранение свободы есть общая цель всех людей” [39, с.14]. Велико искушение согласиться с А.Куницыным. Как прекрасно было бы жить в таком мире! Однако, это не так. Мы не можем сказать не только, что все люди считают свободу своей общей целью, но так не считает даже большинство людей. “На самом деле люди гораздо сильнее хотят подчиняться, нежели их к этому вынуждают” [101, с.169]. “Ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!” [23, с.396]. И даже если когда-нибудь большинство согласится придерживаться единых убеждений, всегда найдется хотя бы один человек (а скорее всего не один), кто будет иметь свое, иное мнение по этому вопросу. Что же делать? Как разрешить это противоречие между мнением одного и мнением большинства? Лучше всех по этому вопросу высказался Д.С.Милль “Если бы весь род человеческий за исключением одного только индивидуума был известного мнения, а этот индивидуум был мнения противоположного, то и тогда всё человечество имело бы не более права заставить молчать этого индивидуума, чем какое имел бы и сам индивидуум заставить молчать всё человечество, если бы имел на то возможность. ...Если мнение правильно, то запрещать выражать его значит запрещать людям знать истину и препятствовать им выйти из заблуждения; если же мнение не правильно, то препятствовать свободному его выражению – значит препятствовать достижению людьми не меньшего блага, чем и в первом случае ” [49, с. 301]. Понимание этой очевидной истины и сейчас не стало сколь-нибудь распространенным. И сейчас значительно более распространенным является представление о том, что бороться за истину можно путем запретов на “заблуждения”, о том, что мысль можно победить, запрещая её произнесение вслух или печатно. И сегодня очень часто звучат призывы запретить. Запретить ту или иную идеологию, ту или иную организацию, ту или иную литературу и т.п. Призывающие к таким запретам никак не могут взять в толк, что тем самым они вербуют новых сторонников таким идеологиям, таким организациям, такой литературе. Причем, сторонников не критических - таких, кто не хочет или не может разбираться в сути, но часто при этом готов к активным действиям. Гласом вопиющего в пустыне и сегодня звучит максима Вольтера: “Я не согласен с тем, что Вы говорите, но буду до последней капли крови защищать Ваше право высказать Вашу точку зрения”.

Сегодня не только всё человечество, но даже большая его часть не придерживается определённого убеждения по вопросу о том, что такое благо общества. Более того, до сих пор никому пока не удалось даже сформулировать ни что такое общая польза, ни что такое благо общества, ни что-либо подобное. “Печальное положение человеческого ума: менее важные представления о

круговращении отдалённых небесных тел для него более ясны, чем близкие и самые важные нравственные понятия, всегда меняющиеся, колеблемые ветром страстей, подхватываемые и распространяемые невежеством, которому покровительствуют» [5, с.122].

Приведем хотя бы несколько попыток определения справедливости.

“Твердое желание воздавать каждому свое” [15, с.273];

“Беспристрастная оценка не согласующихся требований отдельных лиц” [62, с.144];

“Первая задача справедливости - в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием; затем - в том, чтобы пользоваться общественной [собственностью] как общественной, а частной - как своей” [106, с.304].

Как видим, пока эти попытки не удались. И не удивительно, так как для того, чтобы дать такое определение, надо сначала приписать обществу какую-либо цель. “Всеобщее благо - концепция, которой не было дано определения, и сделать это невозможно: нет такого существа, как племя или общественность; племя (или общественность, или общество) - это всего лишь некое число личностей. Ничто не может быть благом для племени как такового; благо и ценность относятся только к живому организму, к отдельному живому организму, а не к бестелесной совокупности взаимоотношений” [72, с.25]. Так что это сама по себе неразрешимая задача, но даже если бы кому-нибудь это и удалось, любая такая цель в качестве основы для ограничения внешней свободы человека вступила бы в противоречие с нашим Следствием 2 о том, что никто не вправе определять человеку цель его жизни, которой он обязан следовать.

Если предположить, что такая цель будет сформулирована и принята подавляющим большинством как справедливая, то она обязательно будет включать в себя две составляющие: сохранение самого общества как целого и предоставление большинству доступных обществу благ. А если это так, если сохранение общества как целого - важнейшая цель, к которой всё общество стремится, у него (общества) есть (?) право жертвовать своими элементами – людьми для достижения этой цели. У общества есть право любого, лучше самого сильного и ловкого, послать на войну, в пожар и т.п., не спрашивая на то его согласия. Но это будет означать, что в момент, когда общество человеком жертвует, его стремление к хорошей жизни (Аксиома 3) перестанет быть правомерным, его право на внешнюю свободу (Аксиома 5) перестанет быть равным праву на внешнюю свободу остальных, тех, которые посылают его на алтарь общего блага. Решение этого вопроса подобным образом, т.е. давая возможность обществу (к тому же не понятно, в чьём лице) жертвовать отдельными своими членами, теоретически возможно единогласным решением всех его членов. Однако, не голосовавшие за это и, в частности, дети не могут быть обязаны таким решением. А, с другой стороны, уже принятые нами Аксиомы 3 и 5 должны быть тогда изменены. Мы должны будем отказать человеку в правомерности его стремления к хорошей жизни так, как он сам это себе представляет, и будем вынуждены признать, что некоторые люди имеют меньшие права на внешнюю свободу, по сравнению с другими, а это уже совсем другая концепция, совсем другое отношение к должному, совсем другая теория права. Мы должны осознанно решить для себя, согласны ли мы с тем, что и стремление человека к хорошей жизни неправомерно, и что люди имеют разные права на внешнюю свободу, или нет?

Таким образом, избегая вступать в противоречие с уже сформулированными аксиомами и следствиями, мы можем принять только следующий принцип

допустимости ограничения внешней свободы человека:

Аксиома 7.

Внешняя свобода человека может ограничиваться только требованиями обеспечения внешней свободы других людей.

“Человек имеет право на все действия и состояния, при которых свобода других людей по общему закону разума сохранена быть может” [39, с.34]. “Власть общества над индивидуумом не должна простирается далее того, насколько действия индивидуума касаются других людей; в тех же своих действиях, которые касаются только его самого, индивидуум должен быть абсолютно независим над самим собою, - над своим телом и духом он неограниченный господин” [49, с.296].

Для правильного понимания этой Аксиомы важно почувствовать её анизотропность. Кроме требования ограничения свободы другого человека, никакие другие основания для ограничения свободы кого-либо не допускаются. Но это не означает, что любое требование обеспечения внешней свободы человека является безусловным и достаточным основанием для ограничения внешней свободы другого. Наличие этого условия только лишь дает возможность рассматривать вопрос об ограничении внешней свободы человека, для решения которого необходимо привлечь и другие причины, в частности, те, которые содержатся в других, в том числе последующих аксиомах и следствиях. Если же этого основания нет, то вопрос об ограничении внешней свободы кого-либо даже и рассматриваться не может. Таким образом, Аксиома 7 дает нам только необходимое, но не достаточное условие для ограничения внешней свободы человека.

Как мы помним из Определения 4, средства могут быть двух принципиально различающихся сортов - вещи и люди. На данном этапе построения теории в отношении вещей как средств достижения цели человеком все достаточно понятно. Соответствующие отношения между людьми по поводу вещей будут конкретизированы в дальнейшем описании права собственности.

Другое дело отношения между человеком, стремящимся к цели, и человеком, который может послужить средством ее достижения. Согласно Аксиоме 3 стремление их обоих к хорошей жизни правомерно. Следовательно, притязания каждого из них на достижение каждым именно его цели - одинаково оправданы. При этом возможны два принципиально разные варианта ситуации - цели двух человек вступают между собой в противоречие или их цели в противоречие не вступают. Если между целями людей есть противоречие, то в силу Аксиомы 3 никто из них не может принуждать другого выступить в качестве средства для достижения чужой для него цели, поступившись при этом возможностью достичь своей собственной цели, вступившей в противоречие с целью первого человека. Если же между их целями противоречия нет, то никто другой и ничто другое, кроме доброй воли человека, не может помешать ему выступить в качестве средства для достижения чужой цели, которая не противоречит цели его собственной. “Каждый человек внутренне свободен и зависит только от законов разума, а по сему другие люди не должны употреблять его (человека - С.Е.) средством для своих целей” [39, с.21]. Итак, мы можем сформулировать

Следствие 3.

Никто против его воли не может быть использован в качестве средства для достижения чужой цели.

“Человек - не средство для чужих целей, он сам абсолютная цель” [109, с.39].

Однако, существуют и другие точки зрения на этот вопрос. Например, “Социализации должны быть подвергнуты не только блага, но и личности” [91, с.44].

В качестве альтернатив Следствию 3, должны быть рассмотрены следующие утверждения:

☐ все люди могут быть против их воли использованы для достижения чужой цели;

☐ некоторые люди могут быть против их воли использованы для достижения чужой цели.

Обе альтернативы прямо противоречат Аксиоме 7, поскольку допускают ограничение внешней свободы человека не только требованиями обеспечения внешней свободы других людей, т.е. требованиями не препятствовать им самостоятельно осуществлять их права. Они допускают обязывание человека достигать некоего состояния вещей и людей, т.е. совершать активные действия, более того, такие действия, которые его собственной цели противоречат.

Вторая альтернатива, кроме того, прямо противоречит Аксиоме 5, поскольку допускает неравенство людей в отношении их прав на внешнюю свободу. Допускает, что какие-то люди (какие?) могут быть ограничены в правах на внешнюю свободу по отношению к другим людям.

Кроме того, первая альтернатива неосуществима, поскольку оставляет открытым вопрос о том, кто же может использовать любого человека для достижения своих целей.

Таким образом, любая из альтернатив в рамках уже принятых аксиом становится невозможной.

Это следствие, в частности, требует, чтобы в процессе получения согласия от человека, выявления его собственной воли на использование его для достижения какой-либо цели, человек должен быть детально проинформирован о том, в чём же заключается эта цель. Это важно для того, чтобы вытаскивая какие-либо гайки, человек не участвовал при этом в изготовлении атомной бомбы, если он не хочет участвовать в изготовлении атомной бомбы. Чтобы поворачивая разные рукоятки и нажимая разные кнопки, человек не участвовал при этом в изготовлении боевых отравляющих веществ, если он не хочет участвовать в изготовлении боевых отравляющих веществ. Не говоря уже о том, что в процессе какой-либо деятельности, не ведая об этом, человек не причинил бы вреда своему собственному здоровью.

Каждый человек понимает, что его внешняя свобода не безгранична. Каждый человек примерно представляет, где проходит граница его внешней свободы, установленная в том обществе, в котором он живет. И, вместе с тем, мы знаем, как часто люди выходят за пределы своей внешней свободы, переступают эту ощущаемую ими черту. Отчего это происходит? Как нам относиться к этим фактам? Относиться ли нам к ним, как к неким уникальным явлениям, как к неким неподдающимся осмыслению случайностям? Может быть, те, кто преступают пределы своей внешней свободы - вообще не совсем люди, и тогда относиться к ним нужно не так, как к людям, а как-то иначе? Да нет, опыт показывает, что до момента выхода человека за пределы своей внешней свободы, да и после этого, он ничем не отличается от других людей, про которых неизвестно, поступали ли они так же. Весь жизненный опыт показывает нам, что в подобных явлениях нет ничего сверх- или противоестественного, и это позволяет нам сформулировать очередную аксиому.

Аксиома 8.

Люди склонны нарушать нормативные границы внешней свободы других людей и своей собственной.

Существуют принципиально разные взгляды на природу человека. Согласно одному взгляду люди по своей внутренней природе идеально хороши. Только внешние обстоятельства (например, квартирный вопрос) иногда заставляют их поступать плохо. “Представленный самому себе, он (человек - С.Е.) непогрешим. Все его намерения и даже инстинкты благодетельны не только для него самого, но и для других, ибо уже в них заложены начала симпатии и общительности. Если же он вредит самому себе и другим, то только потому, что его испортили, воздействуя на него извне” [78, с.335].

Согласно противоположному взгляду человек - это вместилище греха, и только боязнь наказания (в любой его форме) заставляет людей сдерживать свои греховные инстинкты. “На протяжении тринадцати столетий после победы христианства считалось, что грехопадение закрыло человеку дорогу к совершенству и обратило его в испорченное существо, которое надо держать в узде, без чего оно непременно сойдет на путь порока” [57, с. 61]. “Представленный самому себе, человек являет собой жалкое зрелище или хаос противостоящих друг другу стихий, или же торжество низов над верхами” [78, с.334].

Провозглашая Аксиому 8, мы утверждаем, что истина - где-то посередине. В человеке присутствует как положительное, так и отрицательное начало. В каждой конкретной ситуации может проявиться как одно, так и другое. Когда в Аксиоме 8 мы говорим о склонности, мы признаем, что не в состоянии заранее определить, предугадать, как конкретный человек проявит себя в конкретной ситуации. Мы признаем, что проявления “плохого начала” в человеке - явление обычное, и поэтому мы должны относиться к ним спокойно, должны быть всегда к ним готовы.

Здесь необходимо зафиксировать наше внимание еще на одном важном обстоятельстве. Даже в схожих ситуациях люди ведут себя по разному. Это обстоятельство достойно того, чтобы быть зафиксированным в

Аксиоме 9.

Все люди разные.

Разные по множеству признаков. По возрасту, образованию, весу, силе, вкусам, умственным способностям и т.д. и т.п., т.е. по своим возможностям и склонностям. И именно это и, пожалуй, только это обстоятельство позволяет нам теоретический принцип равноправия применять на практике, добиваться все более полного его осуществления. Только это обстоятельство позволяет нам ко всем людям применять одни и те же правила. “Если бы все люди были совершенно равны (одинаковы - С.Е.) в их дарованиях и склонностях, нам пришлось бы применять к ним различный подход, чтобы достичь какого-то подобия социальной организации. К счастью, они не являются равными (одинаковыми - С.Е.); и только благодаря этому нет необходимости устанавливать дифференциацию функций посредством произвольного решения некой организующей воли, но вместо этого, после создания формального равенства правил, приложимых равным образом ко всем, мы можем предоставить каждому индивиду возможность самому найти свой уровень” [103, с. 397]. Только благодаря этому обстоятельству социальная дифференциация функций устанавливается (может устанавливаться) сама собой. Все необходимые для существования общества ниши оказываются занятыми, функции -

исполненными. Обществу нет необходимости насилловать своих членов, заставляя каждого из них занимать какую-то конкретную нишу, якобы предназначенную именно для него какой-то внешней для него волей. Неравные возможности являются предпосылкой достижения равных прав. Более того, “равные возможности” и “равные права” являются в определенном смысле антагонистическими принципами. Только признавая разные (неравные) возможности граждан, мы можем организовывать их сосуществование на принципах их равноправия на внешнюю свободу. Организовывая сосуществование на принципах равенства возможностей, мы вынуждены будем кого-то (того, у кого возможностей - силы, ума, ловкости и т.п. - больше) ограничивать в правах - требовать, чтобы частью своих возможностей этот “кто-то” делился с теми, у кого таких возможностей нет. Иными словами, мы вынуждены будем признать, что не все возможности (способности) человека принадлежат именно и полностью ему самому.

Пассажи, вроде принадлежащего Т. Кампанелле, о том, что умственные способности отдельного человека принадлежат всему обществу, представляются нам не только противоречащими принятым выше аксиомам, но и абсурдными. Напротив, мы разделяем точку зрения Т. Джефферсона, который сказал: “Было бы смешно и нелепо, если бы мы предположили, что человек имеет меньше прав на самого себя, чем кто-нибудь из его соседей или даже все они, вместе взятые. Это означало бы рабство, а совсем не ту свободу, которую “Билль о правах” сделал неприкосновенной” [21, с. 28]. Всё внутренне присущее конкретному человеку принадлежит ему и только ему безраздельно.

Несмотря на то, что в силу Аксиомы 5 все люди имеют равные права на внешнюю свободу, реализовывать свои права они, конечно же, будут по-разному, исходя из своих личных устремлений и возможностей. В том числе и проявлять всеобщую склонность к выходу за пределы своей внешней свободы, т.е. нарушать права других людей, люди будут по-разному.

Несмотря на то, что мы считаем склонность, зафиксированную в Аксиоме 8, обычным явлением, это не значит, что мы согласны с этой склонностью мириться, а тем более ее поощрять. Более того, задача любой правовой системы состоит именно в том, чтобы в идеале сделать невозможным проявление этой склонности и, уж во всяком случае, минимизировать такую возможность. Поэтому Аксиома 8 еще раз оправдывает и обосновывает необходимость ограничения внешней свободы каждого человека. Понятно, что в обществе святых “нормативные” ограничения не нужны – каждый из них сам, добровольно ограничивает себя, чтобы даже с избытком предоставить свободу ближнему своему. “И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два; просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся” [Мф. 5, 40-42]. Нормативное ограничение внешней свободы каждого нужно именно в обществе обычных людей, таких как они есть, со всеми их достоинствами и недостатками.

В восьмой аксиоме нам не удалось избежать использования нового термина “нормативный”, а уяснить смысл этого понятия нам не удастся до тех пор, пока мы не разберемся в том, что такое